

Глава I

ВВЕДЕНИЕ

Эта вступительная глава будет посвящена краткому изложению тех главных особенностей и новых идей, которые составляют специфику предложенного нами анализа социализма. Мы коротко опишем содержание, структуру и выводы нашей работы и завершим главу указанием на некоторые возможные направления для исследований, которые, если положить в их основание предложенный нами анализ, должны будут представлять существенный интерес и иметь большое значение, а следовательно, у исследователей есть стимул заниматься ими.

1. Социализм и экономический анализ

Историческое поражение социализма

Крушение социализма в странах Восточной Европы было историческим событием огромной важности, к тому же оно застало врасплох большинство специалистов по экономической теории. Проблема не только в том, что экономическая наука оказалась не на высоте перед лицом бурных исторических событий, которые экономисты были не в состоянии предсказать, но также — что гораздо серьезнее — в том, что ей не удалось предоставить человечеству необходимые аналитические инструменты для того, чтобы предотвратить те серьезные ошибки, которые были совершены¹. На деле экономисты часто поступали ровно наоборот: они использовали свой

¹ Теперь, когда стало ясно, что экономисты мало или вовсе не занимались этой темой, которая до недавнего времени была исключена практически из всех научно-исследовательских программ, то, что экономическая наука в очередной раз не оправдала надежд, когда ее помощь потребовалась для того, чтобы осуществить переход к рыночной экономике в странах, переживших крушение социализма, собственно говоря, кажется не таким уж и важным.

профессиональный престиж и ауру академической учености для того, чтобы оправдывать и рекламировать меры экономической политики и социальные системы, которые были явно неудачными и принесли людям огромные страдания.

Столкнувшись с этой ситуацией, западные экономисты не ощутили особого дискомфорта и не пришли в замешательство: они продолжали заниматься своей наукой так, *как будто ничего не случилось*². В тех редких случаях, когда какой-либо известный экономист задавался неприятным вопросом о том, почему большинство профессиональных теоретиков оказались не в состоянии своевременно предсказать и верно оценить развитие событий, ответы ему были наивными, поверхностными, и, вследствие этого, неудовлетворительными. К примеру, экономисты ссылались на «ошибку» в интерпретации статистических данных по странам бывшего Восточного блока и на то, что эти данные, возможно, были восприняты специалистами недостаточно «критически». Они также упоминали о недостаточном внимании ученых к роли «стимулов» в экономике³. Наиболее выдающиеся члены экономического сообщества, как и сообщество в целом, и в дальнейшем не слишком озаботились проблемой собственной ответственности. Никто или, точнее, почти никто, не допускает возможности того, что корень проблемы может лежать в методах, господствовавших в экономической науке в период существования социалистических систем. Более того, тех экономистов, кто предпринял важнейшую и необходимую работу по анализу и переоценке спора об экономической невозможности социализма, можно пересчитать на пальцах одной руки. Этот спор начал Людвиг фон

² Ведущие экономисты Восточной Европы не последовали примеру своих западных коллег, и в последующих главах мы подробно опишем их реакцию. Более того, эти авторы чрезвычайно остро осознают теоретическую недостаточность западной экономической теории, вызывающую у них характерные теоретические опасения и замешательство, которые их самоуверенные западные коллеги не в состоянии постичь.

³ В «Президентском послании», с которым Гэри Беккер (Gary Becker) обратился к участникам региональной конференции общества Мон-Пелерен, состоявшейся 3—6 ноября 1991 г. в Праге под общим названием «В поисках перехода к свободному обществу», он не дал никаких иных объяснений.

Мизес в 1920 г. и он продолжился в следующие десятилетия⁴. Представляется, что, за этими редкими и приятными исключениями, большинство экономистов предпочли сознательно игнорировать в своих исследованиях все то, что они и их предшественники писали о социализме вплоть до его крушения.

Однако нельзя просто перевернуть ту страницу в истории, на которой написано «социализм», как если бы крах этой системы никак не повлиял на научные знания человечества. Дело в том, что история экономической мысли значительно пострадала бы, если бы теоретики стали в очередной раз фокусироваться на самых острых из актуальных проблем современности, пренебрегая фундаментальной необходимостью тщательной критической переоценки и изучения существовавших до сих пор аналитических исследований социализма, и особенно — необходимостью обосновать окончательное теоретическое опровержение этой общественной системы. Во всяком случае, мы должны иметь в виду, что экономическая наука опять не оправдала тех надежд, которые человечество — совершенно правомерно — на нее возлагает. В действительности, если не предпринимать меры по его предотвращению, то социализм как абстрактная идеология, проистекающая из присущей человеческим существам от рождения рационалистической гордыни и самонадеянности⁵, будет неизбежно воспроизводиться снова и снова. Чтобы предупредить его возвращение, необходимо воспользоваться нынешней уникальной исторической возможностью, которая может никогда не повториться, чтобы тщательно исследовать теоретическое осмысление этого феномена, обозначить допущенные ошибки, подвергнуть тотальной переоценке использовавшийся ранее теоретический инструментарий и не допустить того, чтобы какой-либо исторический период считался завершенным, прежде чем будут

⁴ Из работ этих исследователей следует отдельно отметить книгу, ставшую обязательным чтением для всех специалистов по этой теме: Don C. Lavoie, *Rivalry and Central Planning: The Socialist Calculation Debate Reconsidered* (Cambridge: Cambridge University Press, 1985).

⁵ Этот тезис развивает Ф. А. Хайек в своей книге *Fatal Comceit: The errors of Socialism*, опубликованной в первом томе его собрания сочинений: *Collected Works of F. A. Hayek* (London: Routledge, 1989) [Хайек Ф. А. «Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма». М.: Новости, 1992].

сделаны необходимые теоретические выводы, по возможности, окончательные.

Субъективистский подход к экономическому анализу социализма

В этой книге мы выносим на обсуждение и развиваем тезис о том, что социализм можно и нужно анализировать исключительно исходя из глубокого и ясного понимания человеческой деятельности, а также тех динамических процессов социального взаимодействия, которые она запускает. Существовавшие до сих пор попытки анализа социализма по большей части не смогли должным образом учесть принципы методологического индивидуализма и субъективизма, которые Хайек считает критически важными для развития нашей науки. Действительно, он пишет: «И, наверное, не будет преувеличением, если мы скажем, что на протяжении последних ста лет каждое серьезное открытие в экономической теории было шагом вперед в последовательном приложении субъективизма»⁶. Имен-

⁶ F. A. Hayek, *The Counter-Revolution of Science* (New York: Free Press of Glencoe, 1952), 31 [Хайек Ф. А. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблении разумом. М.: ОГИ, 2003. С. 49]. (См. великолепное переиздание 1979 г. в издательстве Liberty Press, Indianapolis.) В сноске 24, с. 209–210 [указанного издания на английском языке. Сноска 7 на с. 49 русск. изд.], Хайек добавляет по поводу субъективизма: «Возможно, наиболее последовательным в этом был Людвиг фон Мизес, и я считаю, что в большинстве своем особенности его воззрений, поначалу поражающие многих читателей своей странностью и кажущиеся неприемлемыми, могут быть объяснены тем, что *в последовательной приверженности к субъективистскому подходу он намного опередил своих современников*. Возможно, все характерные черты его теорий, начиная от теории денег (трудно поверить, что она создана в 1912 г.!) и кончая тем, что он сам назвал своим априоризмом, его воззрения на математическую экономику вообще и на измерение экономических явлений, в частности, как и его критика планирования, прямо (хотя, может быть, и не всегда с одинаковой неизбежностью) вытекают из этого центрального положения». (Всюду курсив наш, если не указано иначе. Мы также приводим цитаты в оригинале везде, где это возможно, хотя для удобства читателей часто дается английский перевод. — Прим. У. де С.)

но это мы попытались осуществить в ходе нашего исследования социализма: проанализировать этот феномен, радикально и последовательно используя принцип «субъективизма», и построить наш анализ на самой главной и сокровенной особенностях человека — на его способности действовать творчески и «предпринимательно».

В свете сказанного выше мы последовательно прилагали усилия, чтобы освободить наше исследование — во всех отношениях — от остатков того «объективизма», который на сознательном или на бессознательном уровне все еще пронизывает многие области нашей науки, ограничивая ее продуктивность и серьезнейшим образом препятствуя ее развитию. Несмотря на то, что нельзя быть абсолютно уверенным в том, что заполонивший нашу науку бесплодный объективизм не пролез в наше исследование, мы сделали все, что в наших силах, чтобы порвать с господствующей парадигмой. Именно поэтому мы предприняли специальные предосторожности, чтобы не поддаться ошибочному представлению о том, что экономические явления якобы существуют «на самом деле», «объективно», вне пределов той субъективной интерпретации и того субъективного знания, которое порождают в процессе деятельности действующие индивиды. Следовательно, мы рассматриваем экономическую теорию как науку, имеющую дело исключительно с «интеллектуальными» фактами, то есть с субъективными данными или знаниями, которые создаются людьми в процессе социального взаимодействия.

Наше определение социализма

Постулированное нами желание применять принцип субъективизма для анализа социализма с максимально возможной жесткостью и последовательностью проявляется прежде всего в нашем определении этой общественной системы. Мы уже сформулировали утверждение, что, с нашей точки зрения, спецификой, или главной чертой человека как вида является присущая всем людям способность действовать свободно и творчески. Исходя из этого, мы считаем социализмом *любую систему институциональной агрессии (вмешательства) против свободы человеческой деятельности или предпринимательства*. Позже, в главе 3 у нас будет случай подробно

исследовать все элементы нашего определения и все следствия из него; мы также опишем его явные преимущества по сравнению с иными использовавшимися ранее определениями. Пока нам достаточно подчеркнуть, что наше представление о социализме как о систематическом и агрессивном *препятствовании деятельности*, иными словами, как об институциональном *принуждении*, неизбежно и с необходимостью влияет на повышение значимости нашего анализа, который представляет собой целостную *экономическую теорию институционального принуждения*. Кроме того, становится понятно, что для того чтобы изучить теоретические результаты систематической агрессии против человеческой деятельности и человеческого сотрудничества, нужно сначала приобрести достаточно глубокие знания основ теоретического анализа беспрепятственной человеческой деятельности. Глава 2, которой мы дали название «Предпринимательство», целиком посвящена именно этому.

Предпринимательство и социализм

Наша концепция предпринимательства является одновременно очень широкой и очень четкой. В самом общем смысле мы рассматриваем предпринимательство и человеческую деятельность как синонимы. В более узком смысле, предпринимательство представляет собой типично человеческую способность находить возможности для извлечения прибыли, имеющиеся в окружении человека. Деятельность — это типично предпринимательский феномен, и в главе 2 мы подробно изучим ее главные компоненты и характерные черты. Самая замечательная из ее особенностей — это творческая и координирующая энергия предпринимательства. Действительно, любой акт предпринимательства порождает новую, не выраженную словами, рассеянную информацию субъективного и практического характера и поощряет вовлеченных в него людей изменить свое поведение или приспособить его к потребностям и обстоятельствам других: именно таким образом, стихийно и бессознательно, возникают обязательства, делающие возможной жизнь в обществе. Кроме того, только предпринимательство в состоянии порождать информацию, необходимую для *экономического расчета*, понимаемого как

любая оценка результата различных вариантов действия. Если правильно определить и ясно понять сущность удивительного процесса социальной координации и экономического расчета, дать толчок которому способно только предпринимательство, то в сравнении и по контрасту с ним можно постичь тяжелую социальную дискоординацию и отсутствие экономического расчета, которые являются неизбежными последствиями любого институционального принуждения в отношении предпринимательской свободы. Иными словами, только исходя из правильного понимания свойств рыночных процессов и рыночного общества можно полностью осознать все первичные и вторичные последствия социалистической системы. В главе 3 мы проанализируем их с этой точки зрения и рассмотрим связи между ними.

Социализм как интеллектуальная ошибка

Социализм потому так часто защищали в научных, политических и философских кругах, что считалось, будто систематическое использование принуждения может существенно увеличить эффективность социальной координации. Вся первая половина главы 3 посвящена теоретическому опровержению этой идеи; мы развиваем нашу аргументацию, опираясь на две различных, но дополняющих друг друга точки зрения: «статическую»⁷ и «динамическую». Мы приходим к заключе-

⁷ Наше «статическое» доказательство не имеет никакого отношения к анализу равновесия, то есть к той статической концепции, которую мы так резко критикуем в главе 4 и на протяжении всей книги. Однако за неимением лучшего мы используем термин «статический» потому, что оно имеет дело с *рассеянной* информацией, которая гипотетически *уже существовала ранее*, в отличие от «динамического» доказательства, относящегося к процессу, посредством которого порождается *новая* информация. Позже мы покажем, что в контексте нашей теории оба доказательства имеют в равной степени динамический характер и, следовательно, в равной степени несовместимы с теорией равновесия. В действительности оба доказательства ссылаются на одновременно протекающие и неотделимые друг от друга процессы, которые мы рассматриваем отдельно друг от друга исключительно в учебных целях.

нию, что в свете этого социализм представляет собой просто интеллектуальное заблуждение, поскольку с точки зрения теории систематическое применение принудительных методов не приводит к социальной координации.

Вторая половина главы 3 отчасти посвящена вторичным следствиям из нашего основного тезиса, рассматриваемым в контексте междисциплинарного подхода. Она также содержит объяснение и обоснование нашего определения социализма, отличающегося от господствовавших в прошлом концепций. Глава завершается анатомическим описанием различных исторических разновидностей (или типов) социализма. Хотя разновидности социализма различаются мотивировкой, степенью вмешательства и другими конкретными характеристиками, все они имеют общий знаменатель: все они в той или иной степени опираются на систематическое использование агрессии против свободного проявления предпринимательства.

2. Спор о невозможности экономического расчета при социализме

Вышеупомянутый анализ социализма настоятельно требует переоценки спора о невозможности экономического расчета при социализме, который происходил в 1920—1930-е годы между Мизесом и Хайеком, с одной стороны, и различными теоретиками социализма — с другой. Во-первых, как мы уже говорили, произошедший недавно исторический крах социализма в странах Восточной Европы обязывает всех серьезных и добросовестных исследователей вернуться к теоретическим утверждениям о социализме, выдвигавшимися теми, кто максимально тщательно и детально изучал связанные с ним проблемы, и подвергнуть их внимательному рассмотрению. Во-вторых, наша концепция предпринимательства и социализма представляет собой высшую точку теоретического синтеза, который зародился в начале спора и постепенно развивался, приближаясь к завершению, по мере его продолжения. Следовательно, для того, чтобы ясно обозначить все следствия из проведенного нами анализа социализма, абсолютно необходимо проанализировать и подвергнуть переоценке эту дискуссию. Наконец, в процессе изучения

этого спора приходит осознание, что парадигма мейнстрима, которая базируется на анализе равновесия, оказалась не в состоянии объяснить внутренне присущие социализму теоретические проблемы. И в самом деле, в силу того, что эта парадигма основана на ньютоновской механистичности и на представлении о равновесии, то есть о «повторяющемся бездействии», она не может даже сформулировать ту неизбежную теоретическую проблему, которую ставит перед нами институциональное принуждение. Кроме того, то, что большинство авторов вторичных текстов об этом споре и большинство специалистов, которые его комментировали, получили мейнстримное образование, показывает, почему они были неспособны понять суть открытия Мизеса и Хайека; это также объясняет, почему «миф» о победе в споре социалистов оказался таким живучим.

Людвиг фон Мизес и начало спора о социализме

Дискуссия вовсе не случайно возникла вокруг статей Мизеса, опубликованных вскоре после окончания Первой мировой войны. На самом деле только человек, подобный Мизесу, который приобрел глубокие знания в области свойств и последствий рыночных процессов, движимых человеческой деятельностью, был в состоянии интуитивно угадать и логически постичь неизбежно возникающие при социализме проблемы с экономическим расчетом. Глава 4 целиком посвящена основополагающему вкладу Мизеса в изучение социализма и связанным с этим обстоятельствам. Мы с особенной тщательностью учитываем исторический контекст фундаментального открытия Мизеса, а именно доминирование типично марксистских представлений о социализме. В то же время мы стремимся продемонстрировать, что мизесовский анализ социализма основан на динамической теории, то есть на австрийской традиции в узком смысле слова, и поэтому не имеет отношения ни к анализу статического равновесия, ни к основанной на нем «чистой логике выбора». Главу завершает подробный критический обзор «решений» проблемы экономического расчета, которые предлагались в то время теоретиками социализма. Это был натуральный расчет, расчет в рабочих часах и расчет в так называемых «еди-

ницах полезности»; ни один из этих вариантов не позволял преодолеть неизбежно возникающие теоретические проблемы, описанные Мизесом.

Неоправданный сдвиг по направлению к статике в ходе спора

Нелепое представление, будто бы «теорией» является исключительно экономический анализ равновесия, лежащий в основании парадигмы мейнстрима и пронизывающий ее насквозь, с неизбежностью развернуло спор в сторону статических проблем. Как мы увидим в главе 5, экономисты либо не смогли понять открытие Мизеса, либо поняли, что его анализ не относится к равновесию, и сделали из этого вывод, что он является не «теоретическим», а практическим, либо — в случае большинства — истолковали его в узких терминах равновесия и жесткой «чистой логики выбора». В последнем случае они пренебрегли тем, что с самого начала очень четко сформулировал Мизес, а именно что в статическом отношении социализм не представляет никакой проблемы, и что соответственно его теоретическая критика социализма была динамической по своей сути и основывалась на его теории процессов человеческого взаимодействия, протекающих на рынке. Сдвиг спора по направлению к статике был *нерелевантным*, поскольку статика не имела никакого отношения к первоначальному теоретическому открытию, а также *неоправданным*, поскольку он сделал теоретическую полемику совершенно бессмысленной. (Статическая точка зрения помешала экономистам обнаружить, в чем проблема, и понять, что она является первичной и неразрешимой). Кроме того, в главе 5 мы описываем также различные попытки экономистов-социалистов найти «математическое решение» проблемы, начиная с доказательств «формального сходства» между рынком и социализмом в контексте статической точки зрения и заканчивая более серьезными идеями Тейлора и Диккинсона. Наконец, мы подробно рассматриваем «метод проб и ошибок», который возник как практическая стратегия, направленная на решение соответствующей системы уравнений. Главу 5 завершает критический анализ «параметрических» моделей, основанных на идеях соци-

алистических теоретиков — моделей, которые экономисты с упорством, достойным лучшего применения, разрабатывают по сей день.

Оскар Ланге и «конкурентное решение»

Вероятно, одним из самых больших мифов в истории экономической мысли является представление о том, что Оскару Ланге удалось теоретически опровергнуть аргументы Мизеса против социализма. Действительно, наиболее известные учебники и пособия, а также почти все посвященные спору о социализме вторичные источники категорически настаивают на этом мифическом и поверхностном утверждении. Этот миф унаследовали и некритически усвоили два поколения экономистов. По этой причине мы посчитали крайне важным подвергнуть подробнейшему анализу предложенное Оскаром Ланге «конкурентное решение». Этому посвящена глава 6, содержание, объем и глубина которой делают ее, пожалуй, одним из наиболее оригинальных и поучительных элементов нашей попытки использовать субъективистскую методологию для экономического анализа социализма. Если наша работа, наряду с другими новейшими исследованиями на ту же тему, к которым мы будем обращаться по ходу изложения, будет хотя бы отчасти способствовать окончательному разрушению мифа о том, что Ланге опроверг открытие Мизеса, мы будем считать, что наши усилия не были напрасными.

«Рыночный социализм» как квадратура круга

В седьмой и последней главе мы завершаем анализ «конкурентного решения» обзором предложений Диккинсона, Дурбина и Лернера, сделанных в развитие идей Оскара Ланге. В этой главе мы приходим к заключению, что конкуренция, то есть творческая деятельность, и социализм, то есть принуждение, представляют собой радикально и фундаментально противоположные понятия. Любопытно, что, как мы увидим, целая школа социалистических теоретиков во главе с Доббом придерживалась того же мнения и неизменно присваивала звания

лицемеров и мечтателей коллегам, выступавшим за рыночный социализм. Мы завершаем эту главу размышлениями о подлинном значении невозможности социализма и кратким резюме всей книги.

3. Другие возможные направления исследования

Теоретический анализ социализма, которому посвящена наша книга, оставляет большой простор для будущих исследований. Действительно, мы рассматриваем нашу работу как первый шаг в направлении самых разнообразных возможностей для исследовательской работы, которая, как мы считаем, могла бы дать многообещающие результаты при условии использования разработанной нами методологической базы. Из этих областей, которые станут в будущем предметом интереса исследователей, нам кажутся особенно значимыми следующие⁸:

1) Анализ так называемого «социализма, основанного на самоуправлении»

Несмотря на то, что [производственное] «самоуправление», или «синдикалистский» социализм, полностью дискредитировало себя, особенно после экономического, социального и политического краха югославской модели, мы считаем, что изучение этого социализма с применением нашего подхода представляло бы значительный теоретический интерес. Это особенно верно в свете специфических проблем с координацией, возникающих в этой модели на всех уровнях, а также того, что ее часто отстаивали в качестве третьего пути, способного преодолеть недостатки и капитализма, и социализма (в их традиционном понимании).

⁸ Данный список, как должно быть совершенно очевидно, не претендует на полноту, и соответствует плану нашей второй книги о социализме, которая будет продолжением этой. Часть работы по этому новому проекту уже сделана.

2) «Индикативное планирование»

Хотя в наши дни об индикативном планировании почти совсем забыли, по ряду причин мы полагаем, что его следует изучать. Во-первых, особенно в 1960-е годы, у этой модели было много защитников, пытавшихся оправдать свою позицию с помощью ряда теоретических утверждений, по существу сильно напоминавших доводы, на которых была основана модель «рыночного социализма»; в то время эти утверждения практически не встретили возражений. Поэтому, несмотря на то, что «индикативное планирование» вышло из употребления, до того как папка с этой теорией будет навсегда сдана в архив, необходимо как следует проанализировать его заново. Во-вторых, вследствие описанного выше любопытного феномена (когда теоретические позиции бросают или забывают вместо того, чтобы подвергнуть их необходимому научному изучению и придти к серьезным теоретическим выводам по их поводу), различные восточноевропейские экономисты пытались оживить «индикативное планирование», видя в нем универсальное средство от экономических проблем своих стран. Наконец, в-третьих, мы должны отметить, что наш анализ социализма полностью распространяется и на теорию «индикативного планирования», поскольку именно теоретические доводы в пользу невозможности социализма, которые мы будем рассматривать в этой книге, как раз и объясняют, почему индикативное планирование не может достичь заявленных целей. То же самое относится к широкому набору технических приемов (в частности, к межотраслевому балансу), которые упорно используют многие ученые-экономисты, пытаясь доказать, что планирование (индикативное или иного рода) возможно⁹.

⁹ В качестве примера можно привести ученого-экономиста Василия Леонтьева, который в своем постоянном стремлении найти новые «приложения» для своего «интеллектуального детища» (межотраслевого баланса) без колебаний выдвигает всё новые и новые планы посягательства на общество и вмешательства в его дела. См.: Don C. Lavoie, "Leontief and the Critique of Aggregative Planning," in *National Economic Planning: What is Left?* (Cambridge, Massachusetts: Ballinger Publishing, 1985), 93–124.

3) Разумное определение «научной ответственности»

Одним из самых любопытных аспектов этой полемики является возникновение и настойчивое распространение (в течение почти 40 лет) мифа о том, что социалистические теоретики «выиграли» спор о невозможности экономического расчета при социализме и, следовательно, социализм как модель не представляет собой никакой теоретической проблемы. Ответственность за создание этого мифа несут в особенности те исследователи, которые описывали этот спор, а также полчища экономистов, которые все эти годы либо соглашались с наиболее популярной версией, не утруждая себя самостоятельным исследованием вопроса, либо оставляли этот спор вообще без внимания, полагая, что социализм, разумеется, не составляет никакой теоретической проблемы. Хотя можно с уверенностью утверждать, что в том, что касается проблем, связанных с социализмом, большинство исследователей социальных наук обманули ожидания, которые по праву возлагает на них человечество, и как минимум не выполнили своего главного научного долга, не проинформировав и не предупредив граждан о серьезных опасностях, исходящих от социалистического идеала, между отдельными теоретиками имеется существенная разница в степени проявленной ими нечестности, небрежности или обычного невежества. Соответственно, для нас будет очень важно, чрезвычайно полезно и крайне поучительно определить степень ответственности отдельных исследователей. С точки зрения обычных граждан и будущего экономической науки, такой подход должен представить каждого теоретика в истинном свете, безотносительно к его личности, его нынешней или исторической репутации и популярности.

4) Последствия спора для будущего экономической теории¹⁰

Пожалуй, наше наиболее смелое утверждение состоит в том, что крах социализма обязательно будет иметь большое влияние на доминирующую парадигму и на будущее экономиче-

¹⁰ В качестве примера такого подхода можно привести увлекательную статью: Don C. Lavoie, "A Critique of the Standard Account of the Socialist Calculation Debate," *The Journal of Libertarian Studies: An Interdisciplinary Review* 5, no. 1 (winter 1981): 41–87.

ской науки. Представляется очевидным, что экономическая наука блестяще продемонстрировала свою ненадежность, когда экономисты, за крайне редким исключением, оказались неспособны предсказать событие такого масштаба. К счастью, этот тяжелый удар сегодня дает нам возможность правильно оценить причины и степень теоретической близорукости парадигмы мейнстрима, который до этого момента не позволял экономистам достаточно ясно проанализировать и проинтерпретировать наиболее значительные события в сфере социального. Кроме того, нам не нужно начинать с чистого листа, поскольку благодаря усилиям экономистов австрийской школы, направленным на объяснение, защиту и детализацию их позиций в ходе спора о невозможности экономического расчета при социализме, многие из новых аналитических инструментов были развиты и усовершенствованы¹¹.

Хотя мы не смогли бы даже перечислить здесь все области нашей науки, которые затронуло это событие, не говоря уже о том, чтобы педантично подвергнуть их пересмотру, приведем несколько примеров. Вероятно, начать следует с *метода* нашей науки. Те самые факторы (субъективный, творческий, рассеянный и неартикулированный характер информации, используемой обществом), которые делают невозможным социализм, приводят к недостижимости идеалов эмпирического сравнения и точного измерения, которые экономисты страстно и наивно защищали до сегодняшнего дня. При этом мы еще не упомянули о негативных последствиях для развития нашей науки «математического» формализма и пагубной одержимости анализом, основанным на полной информации и равновесии. Также необходимо отказаться от функционального объяснения цен в пользу *теории цен*, объясняющей, как цены устанавливаются динамически посредством непрерывно развертывающегося процесса, основанного на энергии

¹¹ Израэль М. Кирцнер показал ключевую роль этого спора в качестве катализатора развития, усовершенствования и корректного выражения теорий австрийской школы в целом, а также для тщательного анализа и понимания теории предпринимательства и динамических рыночных процессов, связанных с предпринимательским творчеством и предпринимательскими открытиями, в частности. См.: Israel M. Kirzner, "The Economic Calculation Debate: Lessons for the Austrians" in *The Review of Austrian Economics*, vol. 2 (Massachusetts: Lexington Books, 1988), 1–18.

предпринимательства, иначе говоря, на человеческой деятельности его участников, а не на пересечении таинственных кривых или функций, не имеющих никакого отношения к реальности, поскольку информация, необходимая для того, чтобы их построить, не содержится даже в сознании участников рынка. Кроме того, необходимо отказаться от шаткой статической теории «*совершенной*» конкуренции и равновесия, заменив ее теорией конкуренции как динамического процесса соперничества предпринимателей, теорией, отменяющей проблему монополий в традиционном смысле, так как для нее они нерелевантны, и сконцентрированной на институциональных ограничениях свободы предпринимательской деятельности в любых областях рынка.

Субъективистская концепция оказывает столь же глубокое влияние на теорию капитала и процента, описывая в качестве капитального блага каждую из промежуточных стадий, которую действующий субъект в контексте специфической деятельности, в которую он погружен, воспринимает таким образом. Переживание действующим субъектом наивысшей точки подъема порождает субъективную идею хода времени. Капитал предстает как интеллектуальная категория в экономических расчетах действующего субъекта или как субъективная оценка ценности каждой из стадий в ценах денежного рынка. Это представление объясняет ведущую роль, которую в установлении ставки процента играют временные предпочтения; оно также объясняет отсутствие всякой причинно-следственной связи между ставкой процента и эффективностью капитала. Вера в такого рода связь проистекает из трех различных, но тесно связанных друг с другом заблуждений: анализа, ограничивающегося исключительно состоянием совершенного равновесия, представлением о производстве как об одномоментном «процессе», который не занимает времени, и восприятием капитала как реального «фонда», не зависящего от человеческого разума и способного к самовоспроизводству.

Теория денег, кредита и финансовых рынков — это, возможно, главный теоретический вызов, с которым сталкивается наша наука в XXI в. В самом деле, мы рискуем утверждать, что теперь, после того как «теоретическая лагуна», вызванная отсутствием корректного анализа социализма, заполнена, наиболее малоизученной и самой важной областью экономической науки, где повсеместно господствуют систематиче-

ское принуждение, методологические ошибки и теоретическое невежество, остаются деньги. Ведь социальные отношения, в которых участвуют деньги, гораздо абстрактнее и сложнее для восприятия, чем любые другие¹²; следовательно, то знание, которое они порождают и оформляют, тоже является сложным, масштабным и малопонятным, а это делает систематическое принуждение в данной сфере чрезвычайно разрушительным. *Теория интервенционизма* в целом и *теория экономических циклов*, в частности, прекрасно согласуются с предлагаемыми нами определением и анализом социализма, ясно объясняющими разрушительное влияние систематического принуждения на синхронную и диахронную рыночную координацию во всех сферах, особенно в денежной и фискальной.

Экономисты построили теорию *экономического роста и экономического развития* на макроэкономических агрегатах и концепции равновесия, не заметив единственного подлинного главного действующего лица этого процесса: человека, его бдительность [к открывающимся возможностям извлечения прибыли] и его творческие, предпринимательские способности. Таким образом, нужно перестроить всю теорию роста и отсталости, устранив из нее все оправдывающие институциональное принуждение элементы, которые до сих пор делали ее деструктивной и бесплодной. Необходимо переместить фокус этой теории на теоретическое изучение процессов открытия неиспользованных — в силу отсутствия ключевого компонента, то есть предпринимательской интуиции — возможностей для развития. Примерно то же самое можно сказать о так называемой *экономической теории благосостояния*, которая основана на химерическом понятии эффектив-

¹² «Функционирование денег и кредитной системы, так же как язык и мораль, представляет собой случай стихийного порядка, хуже всего поддающийся попыткам адекватного теоретического объяснения, и оно остается предметом серьезных разногласий между специалистами... Вмешательство в процессы отбора чувствуется здесь сильнее, чем где бы то ни было еще: на пути эволюционного отбора становится государственная монополия, и это делает невозможным экспериментирование в ходе конкуренции» (F. A. Hayek, *The Fatal Conceit: The Errors of Socialism* (Chicago: The University of Chicago Press, 1989), 102–103 [Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность: Ошибки социализма. М.: Новости, 1992. С. 178]).

ности по Парето и на практике оказывается нерелевантной и бесполезной, поскольку для ее использования требуется статическая среда с полной информацией, существование которой в реальном мире невозможно. Дело в том, что куда больше, чем от критериев Парето, эффективность зависит от способности предпринимателей стихийно устранять диспропорции, возникающие в ситуациях неравновесия, и именно в этих терминах следует ее определять. *Теория «общественных» благ* всегда формулировалась в строго статических терминах и основывалась на равновесии, а ее приверженцы по умолчанию подразумевали, что обстоятельства, порождающие выгодность «совместной поставки»* и «несоперническое потребление» — это данность, которая остается вечной и неизменной. С точки зрения динамической теории предпринимательства любая ситуация, в которой кажется, будто бы некое «общественное» благо существует, предоставляет кому-то явную возможность обнаружить и устранить эту ситуацию посредством предпринимательского творчества, и, следовательно, в динамической перспективе свободных предпринимательских процессов множество «общественных» благ в тенденции остается пустым. Тем самым исчезает одно из самых избитых оправданий, использовавшихся для оправдания систематического институционального принуждения по отношению к свободному предпринимательству во многих областях жизни общества.

Наконец, упомянем теории школы *общественного выбора* и *экономического анализа права и институтов*. В этих областях теоретики борются против нездорового влияния статической модели, основанной на полной информации. Эта модель порождает псевдонаучный анализ многочисленных рекомендаций, основанный на методологических предпосылках, идентичных тем, которые экономисты одно время пытались использовать для оправдания социализма. Такие предпосылки полностью игнорируют динамический, эволюционный анализ стихийных общественных процессов, которые запускаются и управляются предпринимательской деятельностью. Есть явная непоследовательность в том, что-

* Имеется в виду ситуация, когда совместная поставка двух или более товаров обходится дешевле, чем поставка каждого товара в отдельности.

бы стремиться проанализировать рекомендации и правила, исходя из концепции, постулирующей существование полной информации о прибыли и издержках, поскольку такая информация, если бы она существовала, сделала бы рекомендации и правила ненужными (тогда гораздо эффективнее было бы заменить их просто приказами); и если что-нибудь объясняет возникновение и эволюцию права, то это как раз неустранимое неведение, в состоянии которого постоянно пребывают люди.

Можно было бы перечислить еще много областей для исследования (теория народонаселения, экономический анализ налоговых доходов и перераспределения, экология рынка и т.п.), но нам кажется, что сказанного выше достаточно для того, чтобы обозначить то направление, в котором, с нашей точки зрения, будет развиваться экономическая теория после того, как избавится от теоретических и методологических дефектов, вскрывшихся в связи с крахом социализма. Есть надежда, что в результате появится настоящая социальная наука, служащая человечеству — гораздо более универсальная, полезная и действенная, чем сегодня.

5) Реинтерпретация и исторический анализ различных реальных типов социализма

Это направление исследований предполагает, что экономический анализ социализма, содержащийся в этой книге, будет использован для исправления того, что сделано в области «экономической компаративистики», которая до настоящего времени страдала от серьезных недостатков ввиду отсутствия необходимых аналитических инструментов. Следовательно, задача здесь состоит в том, чтобы провести подробное исследование, состоящее в исторической реинтерпретации каждого из различных типов социализма, существовавших или до сих пор существующих в реальном мире. Цель такого исследования — не только в том, чтобы проиллюстрировать теорию, но и в том, чтобы выяснить, до какой степени развитие исторических событий соответствует ей.

6) Выработка теории этической неприемлемости социализма

Нужно понять, повлияли или нет те методологические и аналитические пороки, которые являются объектом нашей критики, на попытки подвести теоретический фундамент под идею справедливости и следствия из нее. Иными словами, нам нужно попытаться заново сформулировать теорию справедливости, отбросив статическую парадигму полной информации и вместо этого обратившись к творческой и неопределенной практике человеческой деятельности, для того, чтобы выяснить, в какой степени социализм, кроме того, что представляет собой интеллектуальное заблуждение и историческую неудачу, является (или не является) также этически неприемлемым.

7) Разработка теории предотвращения и демонтажа социализма

Если будет сделан вывод, что социализм не только историческая неудача и интеллектуальное заблуждение, но еще и этически неприемлемая доктрина, то возникнет необходимость выработать целостную тактическую и стратегическую теорию его демонтажа и предотвращения. Это будет предполагать анализ конкретных трудностей, возникающих в процессе демонтажа конкретных исторических типов социализма («реального», социал-демократического, самоуправляемого и т.п.), а также оценку конкретных преимуществ и недостатков разных вариантов программы действий, в особенности «постепенные шаги *versus* революция», в зависимости от возможной специфики каждого конкретного случая. Наконец, с учетом циклической, дезориентирующей и по сути разлагающей природы тех структур, которые всегда поощряют возрождение социализма, ключевое значение приобретает профилактика социализма и неустанная бдительность — не только в области научного знания, но и в том, что касается защиты и развития институтов, обычаев, принципов и поведения, необходимых любой здоровой и свободной от систематического принуждения социальной структуре.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все эти замечания были необходимы для понимания контекста, который окружает наше исследование социализма и институционального принуждения. Только знакомство с общей теорией человеческой деятельности способно объяснить неизбежные последствия любых попыток насильственно пресечь свободное предпринимательство. Поэтому в центре нашего анализа находятся человеческие существа, понимаемые как творческие, действующие субъекты, на протяжении всей человеческой истории неустанно борющиеся за то, чтобы свободно выражать себя и свободно действовать в соответствии со своими самыми глубокими личными устремлениями — без каких-либо пут и без принуждения, которому их систематически пытаются подвергнуть под самыми разнообразными необоснованными предлогами.